

Лунный
скрипач

— О х, Аня, аккуратнее!
Красный блестящий шарик съехал на самый край еловой лапы, но свалился не на пол, а в отцову ладонь.

— М-молодец, Виталий Семенович! — заплодировал Алеша, их юный сосед.

Отец Ани с победоносным видом навесил шар обратно на ветку и откатил инвалидное кресло назад. Ноги у папы отнялись еще по осени. Летом он переболел ковидом, и вроде бы обошлось без реанимации и видимых осложнений, но одним октябрьским утром Виталий Семенович не смог подняться с кровати. «Последствия “короны”, — разводили руками врачи. — Что отнимет, когда вернет и вернет ли вообще — неизвестно».

— И так Паштет елку каждый год роняет, хоть ты игрушки не бей, — проворчал отец.

Кот Паштет зевнул со своей лежанки: «И в этом году уроню».

Аня лишь пожала плечами.

Навесили последние украшения, Алеше было дозволено включить гирлянду.

— Елочка, г-гори! — сказал он, и дерево удивленно заморгало цветными огоньками, а в комнате

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

поселилось ожидание скорых чудес. Было двадцать пятое декабря.

— Ну вот, вроде бы красиво получилось. Правда, гарантирую, что мама придет с работы и все равно что-нибудь перевесит по-своему.

— Да! — воскликнул Алеша. — А мы с м-мамой тоже будем вечером украшать, у себя. Д-два раза к Новому г-году готовиться... Д-два счастья!

— Точно, ты целых два раза будешь елку наряжать.

— Спаси... — заулыбался Алеша.

Ему было четырнадцать. Он жадно глотал статьи по астрофизике и мог часами говорить о сингулярности, но терялся, если его отправляли в магазин за хлебом. Он упрямо говорил «пожа» вместо «пожалуйста» и «спаси» вместо «спасибо».

— Пойдем, — сказала Аня, закидывая учебники в сумку, — провожу тебя домой, а сама в институт — у меня же зачет вечером. Пока, па!

Зачет Аня сдала автоматом: второй курс филфака отпустил ее на праздники без хвостов. Домой она возвращалась через вечерний парк — небо было ясным, редкие звезды все-таки пробивались через свет городских фонарей. Вчерашний снег уже не-

много осел, но все еще сверкал и казался пушистым. Доносились звуки с катка — смех, музыка, крики, но здесь, на дорожке, было тихо и малоллюдно.

На одной из пустых скамеек Аня заметила черный футляр — в такой поместилась бы скрипка или укулеле. Хозяина рядом не было. Забыл, что ли, кто-то? Поддавшись любопытству, девушка подошла и раскрыла футляр; старомодные защелки глухо бряцнули. Ну да, скрипка обыкновенная — лакированный деревянный корпус, смычок, струны. В самом уголке деки сверкал позолоченный оттиск — полумесяц и несколько звезд.

— Позвольте, девушка. Это мое.

Аня вздрогнула — мужской голос раздался прямо у нее над ухом. Обернувшись, она увидела серьезное лицо молодого парня. Его темные, почти черные глаза и нахмуренные брови как будто обвиняли Аню в воровстве.

— Минуту назад вас тут не было. Что же вы инструментом разбрасываетесь? Вдруг кто-то стащит?

— А вы стащить собирались? Не сомневайтесь, я всегда сумею найти свою скрипку.

— Я шла мимо, а футляр просто лежал на лавочке. Откуда мне знать, что скрипка ваша? Может быть, какой-нибудь рассеянный музыкант ее забыл, а я сейчас вам в руки отдам? Докажите, что это ваше!

Парень опешил и нахмурился еще сильнее. Но Аня встала точно между ним и скамейкой, и обойти ее не представлялось возможным.

— Ладно, — сдался он. — Чтобы доказать, мне нужно сыграть, логично? Дай сюда.

Аня подозрительно прищурилась, но ей все-таки пришлось уступить. Парень взял в руки скрипку, смычок, приноровился и заиграл — в зимний вечер полилась чистая мелодия... которая оборвалась на полувзвук.

— Все, убедились? Отлично. Тогда я пошел.

Скрипач бережно уложил инструмент обратно в футляр и отправился восвояси. Но что-то не давало Ане покоя, в воздухе вместе с остатками мелодии повисла недосказанность. Сложно было объяснить, но какая-то сила повела ее за молодым музыкантом. Понимая, что творит, в сущности, глупость, она направилась по его следам.

Скрипач выбрался на небольшую поляну вдали от дорожки. Вокруг были одни деревья, а звездное небо, не засвеченное огнями города, как будто стало ярче. Аня спряталась за спящим толстостволовым кленом.

Парень достал скрипку, разложил перед собой открытый футляр и вот так, стоя посреди безлюдной полянки, по щиколотку в снегу, принялся играть.

Аня мало смыслила в тех сферах, где живет музыка, но эту мелодию она практически осязала. Звуки,

вытекавшие из скрипки, перекатывались по зимнему воздуху, как волны, и достигали... нет, не ушей — всего ее тела, и оно впитывало музыку, как губка впитывает разлитое молоко. Красивая мелодия, немного печальная, почти космическая — казалось, она зародилась где-то высоко среди звезд. И те отвечали и мигали в ответ, а луна подсвечивала скрипача так, что он казался полупрозрачным. Снег сверкал, ветер молчал, а музыка затапливала полянку и весь этот зимний вечерний парк.

Ане послышалось вдруг, будто в раскрытый футляр кто-то бросил немного мелочи. Она различила звук лишь потому, что он нарушил гармонию момента. Показалось? Но вот опять это «дзынь» невесть откуда. Не ходят же тут кругами привидения и не подают на хлеб несчастному музыканту, правда?

Дзынь. И так еще несколько раз.

Скрипач тем временем доиграл и стал укладывать инструмент в футляр, перед этим как будто и правда забрав оттуда пригоршню монет. На небо набежали легкие рваные облака, закрыв луну, и сразу стемнело.

— Выходи уже оттуда, — раздался знакомый голос. — Шпион из тебя никудышный.

Аня вздрогнула, но прятаться дальше смысла не было, и она вышла из своего укрытия. Снег под ногами гулко захрумкал.

— Кому это ты играл?

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

— Тебе, — ухмыльнулся скрипач, — и твоему любопытному носу. Ты кого-то еще здесь видишь?

— А что это был за звон?

Парень ничего не ответил, лишь направился обратно к дорожке. Они выбрались из сугроба, зачерпнув полные ботинки снега.

— Меня вместе с моим любопытным носом зовут Аня, кстати.

— Илья, — буркнул скрипач.

— Так что это был за звон? Словно кто-то невидимый тебе мелочь за игру бросал, — не унималась Аня. Ну в самом деле, теперь она от него не отстанет!

Илья вздохнул так, будто у него выдался очень тяжелый день или даже месяц. Он порылся в кармане и протянул ладонь — сверкнула золотистая монетка. На ней была изображена то ли комета, то ли падающая звезда — что-то лучистое и с хвостиком.

— Держи. Как придешь домой, положи под елку. Наутро сама все поймешь. И не ходи за мной больше!

Последние слова он произнес так резко, что желание продолжать шпионские игры у Ани отпало. Она молча взяла предложенную монетку, а Илья тут же развернулся и быстрым шагом исчез в переплетениях парковых дорожек. Аня взвесила монетку на ладони — тяжелая. Внутри отчего-то стало щекотно, как будто в груди поселилось вот это самое лучистое и с хвостиком и пообещало всяких радостей. Почему бы и нет?

Дома родители тихо ужинали на кухне. Елка переливалась светом гирлянд в темной гостиной, бросая цветные огоньки за окно. Интересно, почему все любят ставить елки так, чтобы с улицы было видно: в этом доме готовы к Новому году?

Монетку Аня положила под дерево, больно и совсем не по-праздничному исколовшись еловыми лапами. Выбираясь, она задела пресловутый красный шар — он все-таки съехал на пол и лишь чудом не разбился.

«Мр-р-р? — спросил Паштет. — Не умеешь ты, Аня, шары бить. Я покажу, как надо».

Утро двадцать шестого декабря встретило Аню суматохой. Не успела она проснуться, как возня из другой комнаты достигла ее ушей.

— Нюта! Нюта, иди скорее, посмотри! — долетел до нее радостный мамин голос. Ну что там такое?

Наспех одевшись, девушка зашла в гостиную. Там, как и прежде, горела гирляндами елка, а на самой ее макушке белым светом сияла звезда — разве у них была такая верхушка? Наверное, мама новую купила...

— Анята!

Рядом с новогодним деревом стояли родители. Оба.

Инвалидное кресло отца откатали в дальний угол за ненадобностью — он держался на своих ногах — крепко, уверенно — и обнимал маму.

— Ого! Па! Как это произошло?

— Не знаю, Аня, не знаю, это просто чудо какое-то! Всё как осенью, только наоборот — проснулся, а ноги ходят! Врачи так и говорили: «вдруг», «может, как-нибудь само»... Вот оно! Само!

Мысли в Аниной голове понеслись галопом. Илья, монетка, отцово исцеление... Горячая, почти осязаемая радость за папу мешалась с подозрительным холодком зимнего парка — Аня точно знала, что есть связь. Но какая-то совсем не логическая.

В этот день много обнимались. Виталий Семенович поочередно кружил в танце жену и дочь, в сердцах даже хотел выкинуть ненавистное инвалидное кресло с балкона («Ну а что, в Италии всякий хлам на Новый год из окон выкидывают!»), но вовремя опомнился.

— Нюта, пируем! — заявила мама. — Поди скажи соседям — надо на завтра Саргисянов позвать, да и Алеша с Ниной Андреевной пусть приходят. Будем отмечать новогоднее чудо!

Чудо...

Аня, успевшая уже натянуть на себя шарф и шапку, снова полезла под елку. Монетки нигде не было.

С одной стороны, ее мог умыкнуть Паштет — ищи ее теперь под шкафом или холодильником. С другой — на самой макушке весело сияла верхушка-звездочка. Лучистая и с хвостиком.

Саргисяны, жившие несколькими этажами ниже, радостно заохали, заголосили и полезли в сервант за припасенной бутылочкой армянского коньяка. «Будем, обязательно будем! И не с пустыми же руками идти. Счастье-то какое с Виталием Семеновичем приключилось!»

Алеша жил с мамой в соседнем подъезде. Аня встретила его у самых дверей, тот возвращался откуда-то с маленьким пакетом — прижимал его к груди, тихо шурша. Двигался Алеша всегда зажато, бочком. Сегодня почему-то особенно неуклюже, наверное, так казалось из-за его шапки, съехавшей набок.

— А... Аня... М-ма-ма... — тоскливо протянул он.

— Что мама?

— М-ма... Заб-болела. Вот, — Алеша продемонстрировал пакетик из аптеки.

— Ох, что-то серьезное? Помощь нужна?

Парень помотал головой, глядя в пол.

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

— Н-не... Я сам... — Алеша поджал губы и перегородил дорогу Ане, которая хотела зайти и проведать больную.

— Я сам, — упрямо повторил он.

Если ему что-то взбрело в голову, спорить было бесполезно. Сам так сам — знает, у кого попросить помощи.

— Ну ладно, ладно. Не буду тревожить твою маму. Но если что, сразу иди к нам, договорились? Код от подъезда помнишь?

— Помню. Два-семь-т-три-один. Спаси...

Девушка уже спустилась на несколько ступеней, когда он снова ее окликнул:

— Аня... Спаси... — и исчез в недрах квартиры, заперев дверь.

Что-то екнуло под ребрами — то ли это утреннее чудо с отцовыми ногами, то ли извечное Алешино «спаси»... Аня, кивнув собственным мыслям, во что бы то ни стало решила разыскать Илью.

Еще не было и пяти, но темный вечер уже окутал город. Улицы нанизали на себя фонари-жемчужины, из густо-сиреневого неба сыпались снежинки. Да уж, сегодня ни одной звезды не увидишь, сплошные облака.

Аня блуждала по парковым дорожкам, всматриваясь в прохожих: одни шагали беззаботно и вразвалочку, другие тащились по холоду с измученным видом, кто-то лепил снежки красными от мороза ру-

ками... Вот только Ильи нигде не было. Один раз она даже пошла на звуки скрипки — оказалось, на припорошенной снегом летней сцене играл какой-то старик. Аня положила ему в футляр пару купюр, а немного подумав, бросила монетку — славно было услышать это «дзынь».

Отчаявшись повстречать другого, нужного скрипача, девушка купила в уличном фургончике глинтвейн — бумажный стаканчик приятно согрел руки. В этом парке его почему-то готовили на скандинавский манер: с изюмом и кусочками раскрошенного миндаля. Аня присела на самый краешек скамейки и отхлебнула горячего вина; по телу растеклось блаженное тепло.

— Здравствуйте, Аня и ее любопытный нос. Что на этот раз?

Илья появился внезапно, как будто из воздуха, и уселся рядом. Аня вздрогнула.

— Ты чего так пугаешь! И что значит — на этот раз? Не могу я просто гулять?

— Нет, — уверенно сказал он, забрав у девушки из рук стаканчик с глинтвейном и шумно отхлебнув, — не можешь. Так в чем дело?

Ну ладно. Сам напросился.

— Папа снова ходит! Он с осени не мог, ноги отнялись, а теперь даже танцует, представляешь?

По лицу Ильи прошла тень улыбки.

— И звезда на еловой макушке откуда-то появилась... И вообще...

— Что вообще?

— Илья. Эта монетка, она как-то помогла? Понимаю, глупость, но мне кажется, неспроста ты играл на той полянке. А эти... с хвостиками... тебе в футляр сыпались.

Скрипач, который сегодня был без инструмента, достал из кармана куртки пару уже знакомых монет, показал их Ане и кивнул на небо:

— Сегодня облачно. Когда так, ничего не получится. Играть нужно только ясному небу. Иначе им не слышно, а если и слышно — так всё застревает в облаках.

— Что застревает?

— Чудеса. Новогодние чудеса. Я их так добываю. Положишь одно такое под елку — и оно случится. Как с твоим папой.

Илья говорил это настолько будничным тоном, что Аня даже усомнилась в его настоящести. Много о чем она хотела расспросить, но, подумав, сразу перешла к делу:

— Илья, у меня есть знакомый мальчик... Ему очень нужно...

— Нет, — резко прервал ее скрипач и поспешил убрать «чудеса» обратно в карман куртки. — Нет, и не проси.

— Почему?!

— Потому что все строго регламентировано. Каждому чуду — свой владелец. У нас в канцелярии все расписано, ни шагу в сторону.

— Но папа...

— Твой папа и так получил бы монетку. Он был в списке. Я и без того собирался навестить его прошлой ночью, подбросить чудо под елку. Вы ведь ее уже нарядили, у окна поставили?

— Да...

— Ну вот. Думаешь, зачем елки подсознательно у окон ставят? А мы тихонечко чудеса подкладываем, пока никто не видит.

Аня подумала, что глинтвейн ей продали какой-то особенно крепкий. Может быть, с ромом. Всё, что говорил Илья, имело и не имело смысла одновременно — так вообще бывает?

— Мальчик Алеша, четырнадцать лет. Живет на Полярной улице, дом тринадцать, квартира двадцать один. Ему полагается чудо?

— Нет, — отрезал Илья.

Аня разозлилась.

— Тогда зачем ты все это мне рассказываешь?! Зачем пришел сегодня?

— Да ты приставучая как банный лист, так бы и ходила по парку кругами, донимая меня своей разведкой — я же все чувствую.

— Дай монетку!

— Нет.

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

Илья поднялся со скамейки, еще более смурной, чем обычно.

— Если твоего Алеши нет в списке, значит, все идет своим чередом. И либо еще не время, либо он справится со всем и без всяких чудес.

С этими словами скрипач ушел, мгновенно растворившись в толпе. Аня отрывисто выдохнула, разжимая кулак — на ладони сверкала монетка, которую она незаметно вытащила из куртки Ильи. Что ж, если она когда-нибудь вылетит из института, сможет податься в карманники и сделать приличную карьеру.

Аня проснулась ближе к обеду в отменном настроении. Зимнее солнце играло в шторах, даже подушка с одеялом были мягче привычного. Сегодня — еще один хороший день. День чудес. Вчера вечером она наведальась в гости к Алеше, когда его мама уже спала. Но Ане всего-то было нужно посмотреть на их красавицу-елку, Алеша же похвастался новым паровозиком на батарейках, который ездил по кругу под праздничную мелодию.

Выйдя из комнаты, Аня услышала женские голоса, доносившиеся с кухни. Там пили чай под тихие рыдания. Плакала гостья, Алешина мама.

Внутри у Ани похолодело.

— Что случилось...

— Ой, Ньюта... Представь, какое горе! Утром забрали Алешу!

— Что значит забрали? Кто? Куда?

— Позвонили в дверь... Из опеки... — хриплым голосом стала рассказывать Нина Андреевна. — Говорят, вот вам бумага из администрации, забираем мальчика... Я говорю: как, куда?! Они сказали, что я, мол, болею, не в состоянии присматривать за ребенком-инвалидом... Алеша-то, да, состоит на учете, вы знаете... Но как я болею-то? Температура, кашель, обычный грипп. Ну, попила пару дней антибиотиков — вот, сегодня уже лучше... Я так им и сказала, что Алешенька молодец, в аптеку ходил, обед приготовил, и все у нас хорошо... А они мне в нос этой бумагой тычут... Он испугался, конечно, плакал, а они его под руки — и увели... Не знаю, что делать, Анечка, просто не знаю... Я уже и в опеку бегала, — Нина Андреевна зашлась глубоким кашлем, — и в центр, куда его определили, все без толку... Варвары там сидят, ей-богу.

Аню затрясло мелкой дрожью. И что, вот это и есть чудо? Бред какой-то.

Оставив женщин на кухне и поборов головокружение, девушка спешно собралась, выбежала из дома, прыгнула в трамвай и проехала две остановки до парка. Еще даже не стемнело, но вдруг?

На дорожках было малоллюдно. Аня мысленно отчаянно звала скрипача, но он не появлялся. «Ну где же ты, Илья?!» — бормотала она. Совсем скоро спустились первые сумерки, парк наполнился людьми и светом фонарей.

— Илья! — не выдержав, крикнула Аня в толпу. Несколько прохожих обернулись, один даже откликнулся, улыбаясь, но она махнула на него рукой.

— Илья! Ты нужен! Срочно!

Он вышел из-за дерева, держа в руках футляр — погода нынче была ясная. Темные глаза музыканта пылали гневом и не предвещали ничего хорошего.

— Илья...

— Дочудилась?

— Откуда ты...

— Монет недосчитался. Ну и что случилось с твоим Алешей?

— Его забрали... Органы опеки! Какое же это чудо? Его мама горем убита! Это вообще не вписывается ни в какую логику, его не имели права забирать!

Илья стиснул зубы — злился он не на шутку.

— Аня, чудо — это огромная энергия. Оттуда, — он показал вверх. — Именно поэтому все должно быть по списку. Чудеса нельзя раздавать всем подряд. Вот и случилась беда.

Аня виновато кивнула. Теперь она понимала. Но она же хотела как лучше...

— Ты можешь все отменить? Пожалуйста...

На глаза ее навернулись слезы — да, сейчас она позорно разрыдается прямо посреди парка. И подделом, сама наломала дров.

Илья взял ее под руку и повел прочь из парка. Сели в трамвай, ехали молча.

— Вон их квартира... Там, на третьем этаже...

— Жди у подъезда, — буркнул музыкант и, отдав Ане футляр на хранение, исчез за тяжелой металлической дверью. Код домофона он набрал безошибочно.

Она успела истоптать все прилегающие к тротуару сугробики — мерить шагами туда-сюда вычищенный асфальт ей казалось недостаточным. Вот застудит ноги набравшимся в ботинки снегом и заболеет воспалением легких — в наказание. «Как же так, Нюта, — отчитывала она себя в мыслях маминым голосом. — Мало того что своровала монетку, так еще и применила ее кое-как...»

Спустя минут пять-семь (или вечность, если мерить время Аниными шагами) из подъезда вышел Илья. В руках он держал верхушку-звездочку, как будто только что снял ее с елки. Она была не такая, как в их квартире, но похожа: лучистая и с хвостиком.

Илья замахнулся и грохнул звезду об асфальт — та разбилась и разметалась на тысячи... нет, не оскол-

ков — огоньков. Они почти сразу же погасли, и от неудавшегося чуда не осталось и следа.

Повисла густая тишина.

— И что, это всё? — спросила Аня, протягивая футляр скрипачу.

— Всё. Подожди, сейчас отменится.

И действительно — через пару минут к подъезду подкатила машина, из нее вышли две женщины строгого вида, а следом пулей выскочил взъерошенный Алеша.

— Ан-ня! — закричал он и кинулся к ней на шею. — Ан-ня, всё в п-п-порядке, в-всё хорош-шо!

Волнуясь, он запинаясь еще больше. Но, кажется, у него и правда все было более-менее в порядке.

— Вы кто? — спросила женщина из опеки.

— Я соседка. Алешина мама сейчас у нас. Он может вернуться домой?

— Да, вы его отведете к матери? Вы простите, вышло недоразумение. В администрации что-то напутали. Сожалею, что ребенок понервничал, приносим официальные извинения.

Алеша все никак не мог разомкнуть руки и отпустить Аню, горячо сопел ей в ухо. Но потом он заметил Илью и его футляр.

— Ух ты! Т-там с-скрипка, да? М-можно посмотреть? Пожа...

Алеша наотрез отказался идти в гости без Ильи. Тот, пробурчав что-то себе под нос, все же согласился зайти «на минуточку» и, конечно, остался на весь вечер. Снова обнимались, запланированный пир состоялся — Саргисяны принесли коньяк и пироги, все вместе дружно нарезали салатов, Виталий Семенович запек мясо по фирменному рецепту. Аня представила Илью как своего однокурсника — не говорить же, что это скрипач — добытчик чудес?

Алеша терпеливо ждал, пока все нарадуются вволю, но в конце концов не выдержал:

— Илья, по-играй... По-играй, пожа...

Плотный ужин, видимо, заставил музыканта по-добреть и смириться с судьбой — он даже улыбнулся несколько раз за вечер. Илья достал скрипку из футляра, приноровился и заиграл разудалую веселую мелодию, от которой хотелось хохотать и танцевать. Все захлопали в ладоши в такт.

Внезапно елка ожила — ветви ее зашевелились так, будто и она была готова пуститься в пляс. Аня на миг даже подумала, что это новые чудеса падают в мир, чтобы для кого-нибудь сбыться — игрушки бренчали почти в унисон с мелодией...

В следующее мгновение елка накренилась и, словно в замедленной съемке, опрокинулась на пол. Из-

ЛУННЫЙ СКРИПАЧ

под еловых лап выбрался Паштет, напуганный собственным деянием; утащив за собой клочок мишуры, он взвился на шкаф.

Илья заставил скрипку замолчать, все замерли.

Виталий Семенович подошел и поднял елку, присмотрелся, оценивая нанесенный Паштетом ущерб.

— Ого! — заявил он. — А у нас тут еще одно новогоднее чудо! Все игрушки целы!

«Завтра я попробую еще раз», — наверняка подумал Паштет.

Отражения

В первые секунды ничего не происходило. Антон тупо смотрел на свою ладонь, на побелевшие, будто застывшие во времени края пореза. Потом побежала кровь, следом нагрянула пульсирующая боль.

— Да твою ж за ногу! — в сердцах воскликнул мужчина, ища под рукой что-нибудь, чтобы зажать рану. На полу валялись осколки разбитого зеркала.

— У тебя там всё в порядке? — крикнула из соседней комнаты Наташа, его жена.

— Да-да, ерунда, немного порезался.

— Поди возьми пластырь на кухне!

— Угу, — пробубнил он себе под нос, прижимая рану подвернувшейся тряпкой.

Антон посмотрел под ноги: зеркало раскололось на несколько кусков, на некоторые попала его кровь — она отражалась от поверхности и как будто множила саму себя. В одном из осколков он увидел собственное лицо. С бородой. Антон отродясь ее не носил, да и сегодня с утра побрился. А этот смотрит, глазами хлопает. Густая борода, аккуратная, немного в рыжину.

ОТРАЖЕНИЯ

Он моргнул — видение исчезло. Снова привычная физиономия глядит на него из осколка зеркала. Не выпался, вот и мерещится всякое, бывает.

Антон стал собирать разбитое стекло. Надо же, как вышло, и ведь не хотел бить, а оно как-то само. В другом осколке снова мелькнул бородастый Антон, но здешний, гладко выбритый, от него отмахнулся.

Было тихое зимнее утро. Новый год уже отсверкал и отгремел, но праздники продолжались. Антон, хоть и был атеистом до мозга костей, всегда любил седьмое января за его покладистость и неразгульность. Ему казалось, что рождественским утром тишина особенная, сплетенная из тонких нитей самого мироздания. Порой он любил предаться философии.

Сейчас он шел городскими улицами, едва сбросившими утреннюю дрему. В бурой снежной кашнице под ботинками тут и там попадались блески из хлопучек. Редкие люди, редкие машины, подсвеченные гирляндами витрины закрытых магазинов... Антон возвращался домой от Кристины. Жена уже давно перестала спрашивать, где он время от времени проводит вечера и ночи, а может, и вовсе догадывалась или даже знала. Впрочем, какая разница? В жизни

на два лагеря он барахтается уже второй год, и кажется, что всех все устраивает.

«Ну да... — подумал Антон. — Все устраивает...»

Он шумно вздохнул, пытаясь отогнать от себя волну тоски. Все устраивает.

— Батюшки! Мотя! Растяпа ты дворовая!

Ругань и металлический лязг ворвались в тишину рождественского утра. Кричала торговка — ее укрытый тентом стол со всякой ерундой стоял ближе ко входу в метро. И когда это в жизнь города успели вернуться такие вот уличные торгаши?

Щенок-бездомыш, бурый, пухлый, с веселым хвостом, похожим на веревку, с грохотом перевернул миску. Она прокатилась по нескольким ступенькам перехода, оставляя за собой след из каши, которую уже вовсю подлизывал неуклюжий Мотя.

— Я, между прочим, все утро эту кашу варила, жри давай, обормотина!

Антон как раз поравнялся с торговкой — обыкновенной, в сущности, женщиной, бойкой, хоть и в годах. Разодета она была настолько пестро, что при желании ее можно было принять за цыганку, но желания такого у Антона не возникло.

— А, молодой человек! С Рождеством вас!

— И вас, — буркнул Антон в надежде, что на этом от него отстанут. Но вышло наоборот — даже Мотя, оказавшаяся девочкой, подошла и стала обнюхивать его ботинки.

ОТРАЖЕНИЯ

— Смотрите, вас и собачка поздравляет! А купите безделушку, порадуйте кого-нибудь.

— Спасибо, не нужно.

— А что так?

Антон хмуро втянул голову в плечи. Нагрубить или просто уйти ему никогда не позволяло чертового воспитания, будь оно неладно.

— Закончились праздники уже.

— Да будет вам! Порадовать можно и без календаря!

Обреченно вздохнув, мужчина стал рассматривать безделушки. На столе, местами припорошенном снегом, скопилось много хлама, как на блошином рынке: какие-то бокалы, значки, шкатулочки, старые открытки. Антон даже разглядел пачку махорки — его дед курил ее через «козью ножку»: сворачивал трубочку из газеты и подгибал кончик вверх, чтобы дым не так ударял в голову. Гадость какая. И зачем продавать эту отсыревшую древность? Хотя вот так поджечь бы, да подышать дедовым ароматом, как в детстве...

— Я не люблю праздники, — вдруг выдал Антон, удивившись своему откровению.

— А чего так?

Тем временем любопытная и сытая Мотя устроилась прямо на кончике его ботинка и зевнула. Не самый внимательный слушатель.

— Раздражает вся эта мишура. Суета. Подарки. Елки.

— Ну, стало быть, вам повезло, что все это почти закончилось, — не став его переубеждать, засмеялась торговка.

Антон взял в руки пачку махорки, принялся, но так и не понял, тот это запах или не тот. Больше пахло отсыревшей коробкой.

— Все это — сплошная декорация. Корпоратив на работе — декорация, украшения — декорация, даже жена и сын декорацией становятся. И... всё, в общем. Картонное, как в дурацком телешоу. Переснимают сцены по миллиону дублей, только меняют таблички для зрителей: «Аплодисменты» или «Смех». И я среди этих созерцателей, и не уйти никуда — сказали в ладоши хлопать, вот сиди и хлопай.

Он раздосадовано бросил пачку махорки обратно на стол. Чего он так разговорился-то?

— Э, милоч... Нет, тебе ничего у меня покупать не надо. Не продам.

— А... что так? — тупо спросил Антон, как будто его вдруг лишили чего-то важного.

— На вот тебе, — торговка достала из кучи хлама старое зеркальце, с пару ладоней размером, в обычной деревянной раме с простенькой резьбой. — Это не за деньги и не в подарок.

Антон машинально взял протянутое зеркальце, повертел его и так, и эдак.

— Зачем?

ОТРАЖЕНИЯ

Мотя грозно гавкнула на подлетевшего голубя, тот шумно поспешил ретироваться, подняв крыльями вихрь снежинок.

— Разобьешь — узнаешь.

Ничего бить Антон, конечно, не намеревался. Он положил зеркало в сумку и вообще забыл про него, пока не стал собираться на работу. Оно выскользнуло из рук молниеносно, ударилось о край стола, тут же расколосось, поранило Антону ладонь, приземлилось на пол и расколосось еще больше.

Другой Антон снова появился «в кадре» одного из кусочков. Здешний Антон смотрел — а что еще он мог сделать? Бородач был странно одет, как будто в форму врача, да и обстановка была похожая: белые кафельные стены, широкий стальной стол... И маленькая новогодняя елочка на полу в самом уголке.

Появилась женщина и притащила следом какую-то модную псину — то ли шпиц, то ли еще какая «хуа». Антон немного побеседовал с хозяйкой (ни звука не было слышно), потом поднял собаку на стол и стал осматривать, поглаживая пса по спине и улыбаясь.

Вот те на! Антон — ветеринар!

На третьем курсе экономического он чуть было не срезался во время сессии — в гробу он видал всю эту эконометрику и финучеты. «Дорогие родители, я хочу бросить экономику и поступить в ветеринарный институт».

Мама и папа Антона тогда не оценили сыновнего порыва, подсчитали, во сколько им уже обошлись пять семестров в престижном вузе и категорически отказались принимать в свою реальность «Антошу-Айболита». Он затаил на них крепкую обиду, но доучился, нашел хорошую работу, потом еще одну — получше. И так дослужился до сытной должности в крупном банке. Про ветеринарный институт он и не вспоминал до сегодняшнего дня и никогда не заводил дома ни одного животного, даже когда сын Сеня вымаливал хомяка. Как отрезало.

— Ничего себе! — в дверном проеме возникла жена Наташа и оглядела учиненный Антоном бардак.

Он машинально схватил три самых крупных осколка, те, на которые попала его кровь, и спрятал в сумку. Мало ли что еще там можно разглядеть? А о том, что за чертовщина такая творится, он подумает позже.

— Я же сказал, ерунда. Сейчас приберу.

Но Наташа уже сходила за веником и совком. Подметала она шумно, осколки бряцали и непри-

ятно резали слух Антона (как будто порезанной ладони мало).

— Что ты вообще разбил-то такое? Не припомню этого зеркала.

— Да старая безделушка, в ящике стола нашел, уронил. Теперь уже неважно.

Жена озадаченно посмотрела на битые сверкающие кусочки.

— Плохая примета. Говорят, семь лет несчастий приносит. Ты же не смотрелся в осколки?

Антон тоскливо глянул на жену и, ничего не ответив, продолжил собираться на работу.

Первые рабочие будни после новогодних праздников едва ли можно назвать трудовыми. Время все течет, а день никак не кончается, и прошлогодние уже стикеры, напоминающие о задачах, кажутся чьей-то шуткой.

Работать Антон не мог. Не мог даже имитировать работу: все мысли его были заняты осколками зеркала, лежавшими в сумке. Он украдкой достал тот кусок, где жил Антон-ветеринар, но увидел лишь собственное отражение. Промычав что-то себе под нос, стал всматриваться в другой — на нем тоже

осталось пятнышко его крови, уже бурое, смазанное и почти стершееся.

Зеркало как зеркало. Но через мгновение он увидел ее. Их обоих. Они наряжали елку, а рядом крутилась собака — так, наверное, выглядела бы повзрослевшая Мотя.

Здесьшний Антон встретил Кристину несколько лет назад на совместном с партнерами корпоративе. Уже... Да, четыре года прошло. Надо же. Потом они виделись на деловых ужинах. И, наконец, в квартире у Кристины. Замуж она не хотела, детей тоже, домашний очаг ее не интересовал. Только постоянный любовник, «надежный, как скала». Антон стал этой скалой. Отчего-то ему нравилось жить на два фронта — воюя на одном, он отдыхал от другого. Но спустя полтора года боев он устал, и вовсе не совесть мучила его. С совестью легко договориться. Но Кристина тоже постепенно превращалась в декорацию, и Антон уже не знал, где проходит граница между сценой и залом и кто управляет всем этим представлением.

Но в осколке зеркала они казались совсем другими. Антон различил знакомую обстановку — загородный дом Кристининых родителей, там он бывал не раз. Они были женаты (на безымянном пальце у девушки сверкало кольцо) и как-то по-свежему счастливы. В каждом движении, в каждом поцелуе проскальзывала жизнь необремененная, легкая.

Антон смотрел на эту парочку и спрашивал себя: «А было ли такое здесь, в этой жизни? Или всегда — лишь имитация?» Нащупать правильный ответ он так и не смог.

— На что ты там смотришь? — окликнул его Денис, младший менеджер.

Антон поспешно убрал осколок в ящик стола.

— Да так... Диафильмы.

— Диа... что?

Денису было двадцать. Он не знал, что такое диафильмы.

— Неважно.

Похоже, коллега спугнул второе видение — теперь и этот осколок показывал давно приевшееся усталое лицо. Иллюзия (или не иллюзия?) счастливой жизни с Кристиной развеялась так же, как и Антоша-Айболит.

А вот третий осколок, о который он оцарапал палец до крови, доставая его из сумки, показал ему что-то совсем уж несуразное.

Облизывая саднящий порез и чувствуя на языке привкус железа, здешний Антон увидел в зеркале почти что свою реальность. Он, Наташа и Сеня сидели за праздничным новогодним столом. Были там и прочие люди, друзья-приятели — вот Вадик с Оксаной, Гена тоже пришел, Алена. Веселились и гуляли — смех, улыбки, видно, что застолье проходит душевно. Антон, непривычно одетый в безразмерный

уютный свитер, а не в рубашку, обнимал Наташу. Надо признать, выглядела она чудесно — не было на лице обыденной печати озабоченности. Сенька носился вокруг стола. Снова ни звука, но здешний Антон практически мог слышать его залиvistый смех.

Он вспомнил, как на самом деле встретил этот Новый год. Они посидели дома, втроем, над закусками из дорогого ресторана. Какую-то рыбину даже доставили специальным рейсом с Камчатки, чтобы была свеженькая. Почти сразу после боя курантов Антон отнес закемарившего Сеню в кровать, Наташа тут же начала прибирать со стола. А сам он ушел, сославшись на желание подышать воздухом. Жена, наверное, подумала, что он отправился к любовнице. Ему было наплевать. На улице грохотали салюты и гуляли раззадорившиеся компании, пили шампанское прямо из бутылок и хохотали. А он ходил по улицам, тихо и угрюмо, изредка отклоняя приглашения незнакомых людей присоединиться к веселью. Он чувствовал себя пустым, словно его выпили, как бутылку шампанского, и поставили в сугроб. Декорации, сплошные декорации.

Третье изображение жизни, какой у него не было, исчезло на его глазах — подернулось маревом и растворилось. Антон остался с тем же чувством картонной пустоты, с каким встречал Новый год. Вот тебе и примета: как встретишь, так и проведешь.

ОТРАЖЕНИЯ

После работы он пошел к метро с твердым намерением разыскать ту торговку. В конце концов, надо же убедиться, что он не сходит с ума? Был у него знакомый психиатр... Впрочем, об этом он подумает потом.

Женщина по-прежнему была там, несла свою торгово-караульную службу. Неужто она целыми днями вот так торчит здесь, заманивая прохожих в подозрительные обстоятельства? Тот же тент, те же безделушки. И Мотя привычно шныряет под ногами.

— А, а вот и ты! — узнала его торговка. — Ну что, разбил?

Пестроты в ее одеждах как будто поубавилось: не такой цветастый платок, не так много побрякушек. Антона это почему-то успокоило. Он достал из сумки три осколка с остатками резной деревянной рамы и разложил на столике.

— Не разбил. Оно само. Что это было?

— Зависит от того, что ты видел.

Торговка улыбнулась и сверкнула на него золотым зубом. Этой детали он в прошлый раз не заметил. Или заметил... Тьфу, да какая разница! Может, его вообще затянуло в зазеркалье — ведь в одной из вер-

